
**БЕСЕДА НА ТЕМУ:
ЕСТЬ ЛИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС
У ИДЕОЛОГИИ «ОСОБОГО ПУТИ»?**

*Л.Д. Гудков,
Б.В. Дубин
Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)
Э.А. Паин
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: Участники беседы высказались по поводу возможности использования идеологии «особого пути» в качестве инструмента модернизации. В ходе дискуссии поднимался вопрос, выступает ли концепт «особого пути», будучи продуктом окол властных кругов, моральной защитой периферийной страны?

Ключевые слова: идеология «особого пути», де/модернизация, легитимность.

Э. Паин: Заканчивая подготовку нашей книги к публикации, я вспомнил об одном коротком выступлении на Шестых Старовойтовских чтениях, которое отличалось «особым взглядом» на проблему «особого пути» России. Большая часть выступлений на чтениях, равно как и большая часть статей этой книги, показывают, что где бы ни появлялась идеология «особого пути», она всегда отражала защитную и антимодернизационную направленность. Но вот писатель Александр Мелихов полагает, что эта же идеология при определенном ее развороте может служить и целям модернизации. В этой связи он высказывает несколько идей.

Во-первых, о том, что понятие «особый» в индивидуальных оценках всегда имеет скорее позитивную, чем негативную коннотацию, характеризуя незаурядные способности, возможности личности («особая личность», «особые заслуги», «особое качество»). Встает вопрос, каким образом идеология «особого пути» сочетается с этой идеей индивидуальной незаурядности.

Во-вторых, писатель говорит, что идеология «особого пути» возникает как сопротивление навязанному кем-то извне однообразию, жизни по чужим правилам. Наверное, можно поспорить с гипотезой о таком происхождении этой идеологии, однако меня больше занимает вытекающая из этой мысли Мелихова проблема взаимосвязи идеологии «особого пути» с современными версиями теории модернизации. Они отказываются от былого эволюционистского взгляда на историческое развитие, предполагавшего один для всех единственно верный

и при этом еще и прямолинейный путь к всеобщему счастью. Напротив, в новых версиях теории модернизации культурное многообразие человечества рассматривается как конкурентное преимущество того или иного народа, страны. Так вот и возникает еще один вопрос для нашего обсуждения: о том, как соотносится идеология «особого пути» с идеей культурного многообразия.

И наконец, третий вопрос, пусть и не поставленный прямо в выступлении писателя, но вытекающий из него. У какой-то части нашей интеллигенции есть неконформистское стремление найти, разглядеть нечто позитивное в том, что обычно маркируется как негативное. Понятно, что ныне идеологию «особого пути» защищают державники, имперцы всех мастей, так было и раньше на протяжении, по крайней мере, двух последних веков российской истории. Но, может быть, можно найти такой поворот «особого пути», который будет позитивным отнюдь не для консерваторов, а для людей с демократическими взглядами?

Л. Гудков: Давайте начнем с категорией «особенный», «особый». В принципе это оценочные суждения, которые сами по себе не содержат ни позитивной, ни негативной коннотации. Термин «особый» не является характеристикой универсального свойства, не содержит признаков многовариантности и, соответственно, не позволяет установить специфичность какого-то одного варианта в сравнении со многими другими или с некой универсальной моделью, схемой. Для оценивания необходимо принимать во внимание мотивацию того, кто выносит оценку, к кому он обращается, к каким партнерам и по отношению к чему он устанавливает такую демаркацию или оценку. Когда мама говорит: «Ты особенный!» — она выделяет ребенка и оценивает его вполне позитивно («особый для меня среди многих»), не давая при этом негативных оценок другим детям; она не исключает своего ребенка из универсального ряда. Когда А. Дугин или еще кто-то из консервативных идеологов говорит «особый», он, конечно, работает с компенсаторно-защитным комплексом. Оценка здесь направлена против включения страны или субъекта в универсальное поле шкалы достижений модернизированных стран, которые безусловно оцениваются выше отсталых, недоразвитых, испытывающих разнообразные комплексы неполноценности, как Россия в отношении Запада. В этом смысле изоляция («у нас особый путь», «не смейте нас сравнивать с другими») исключает страну — субъекта «самоисключения» из шкалы, в которой он мог быть оценен как недоразвитый или недомодернизированный или еще недо-какой-то. То есть изоляция снимает негативную оценочность. Поэтому сама по себе особенность как признак еще не содержит в себе мотивацию. Я поэтому и говорю, что надо всегда брать во внимание мотивы квалифицирующего субъекта.

Э. Паин: Хочу подхватить мысль о двух типах оценок: одна — в рамках универсальных критериев, а вторая — через исключения из них и противопоставления. Когда мать оценивает своего ребенка как особенного, незаурядного, она, как правило, делает это по универсальным критериям. Если в обществе ценится ум, то мать и оценивает по этому критерию своего ребенка («мой самый умный, способный»), если ценится сила, воинственность, ловкость, то по этим же критериям и мать выделяет своего ребенка из ряда других детей. В этом смысле такая оценка принципиально противоположна идеологии «особого пути», которая пытается противопоставить эту особенность неким универсальным требованиям. «Мы принципиально не такие». Кстати, и в индивидуальных оценках заметно различие двух типов оценивания. Если бы мать сказала: «Мой сын дурачок, зато тихий (или сильный)», то в такой оценке явно проявлялась бы защитная реакция психологической компенсации. И еще одно. Даже мать оценивает своего ребенка как внешний наблюдатель, а представьте себе, что сам сынок или дочка начнет превозносить себя как незаурядную личность. Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что такой человек ощущает некую внутреннюю неуверенность и стремится компенсировать ее самоутверждающим возвеличиванием. Вот и идеология «особого пути» — это всегда самооценка «нас», форма болезненного самоутверждения.

Б. Дубин: Мне не кажется, что сегодня большинство российского населения — ну, может быть, за исключением студентов твоего, Эмиль, университета, Высшей школы экономи-

ки, которых обучают тому, что они самые-самые, и всячески стараются разбудить в них честолюбие, — сверхпозитивно оценивает значение слова «особый». Скорее наоборот. Ю. Левада писал о том, что никакого среднего класса нет, а средний человек есть. В этом смысле — и наши данные это подтверждают — большая часть населения вполне готова быть такими, как все, и позитивное видит именно в этом.

Э. Паин: Да, это подтверждается и другими исследованиями, например Н. Лапина. По его данным, для $\frac{2}{3}$ современного российского населения характерен конформизм. Нормативным, «правильным» считается поведение, не выделяющееся из среды, — «быть как все», «не выпячиваться».

Б. Дубин: Поэтому возможность позитивного перенаполнения категории «особый», ее исторического переформатирования здесь и сейчас, в наших условиях, мне не кажется реальной.

Л. Гудков: Говоря о переформатировании, Борис вводит другое измерение — конкуренции, состязательности, сравнения. Там, где «особый» наполняется смыслами «лучшего качества».

Б. Дубин: Это совсем другой угол рассмотрения. Если мы говорим, что все особые, почему бы и России не быть особой, как особая Албания, Германия, США и так далее? Это меняет весь контекст рассуждений. Потому что значение категории «особый» в публицистике наших фундаменталистов, консерваторов — это, конечно, «один, единственный, неповторимый и лучший». А если мы говорим, что «особый» — это механизм соединения нового и старого, чужого и своего для всех обществ, проходящих процесс модернизации, и в этом плане он особый, но каждый раз конкретный и не повторяющийся, то мы предельно деидеологизируем это понятие, что, естественно, вызывает сопротивление со стороны консерваторов, фундаменталистов и т.д., которые хотят считать слово «особый» не подлежащим универсализации. Ну, и маленький комментарий к особости как антимодернизационной идеологии. Я немного мягче стал смотреть на эту проблему. Мне кажется, что это не контрмеханизм, а адаптационный механизм. Механизм смягчения и приведения к уровню возможного для населения, с одной стороны; власти, с другой стороны, и каких-то окол властных групп, с третьей стороны.

Иначе говоря, как писал Левада, «все подневольно втягиваются в изменения». От бабушки до ее правнучка. Правнучек просит шоколадку, и хочешь не хочешь оба включены в процессы изменений. Но каждая группа для себя вырабатывает механизм смягчения требований этого самого процесса модернизации, перестройки и т.д. Для власти нужны такие механизмы. Ей удобна в этом смысле идеология «особого пути», потому что она позволяет то, что позволяет, — уворачиваться от Запада по логике «не учите нас жить», при этом бесконтрольно развязывая руки внутри страны, поскольку, дескать, «ситуация экстраординарная». Для массы тоже это удобно, потому что дает возможность не слишком сильно втягиваться в происходящее и не увеличивать требования к себе. Кто-то недавно сказал, что у нас есть единственная национальная идея — Великая Отечественная война. Но я думаю, что есть другая национальная идея. Она состоит в том, что мы особые. Без объяснения, в чем эта особость заключается. Ибо само ценностное наполнение этого понятия состоит в том, что оно не должно быть конкретизировано. Это момент такого преимущества и превосходства, что он не терпит дальнейших интерпретаций. Мы перестаем быть особыми, когда начинаем рассказывать о том, что же, собственно, нас отличает от других.

Э. Паин: Мы ведь оцениваем не просто словосочетание «особый путь», а конкретную идеологию, имеющую традицию как в Германии, так и в России, и у этой традиции вполне четкие критерии. Критерии противостояния нескольким элементам. Прогрессу как идее совершенствования, которая вроде бы противостоит некой самобытной духовности. Это идея противопоставления власти народа другому типу политического режима — власти персоны. Авторитаризм выступает в качестве неизменного элемента и германской, и российской тра-

диции «особого пути». В российском же варианте к нему добавляется совершенно очевидная традиция имперскости, на которой сходятся, как это ни парадоксально, и этнонационалисты, и чистые державники. И лишь одна группа — скинхеды (неонацисты, исходящие из идеи White Power) — ее не принимает.

Л. Гудков: Термин «особый» лишен самостоятельного смысла и наполняется в зависимости от задачи. Мы почти одни и те же цифры получаем при разной формулировке вопроса об особенностях России. «У нас особенное прошлое?» — «Да!» «Русский народ такой же, как все?» — «Да!» И так далее. 60-65% устойчиво. Это значит, что эти ценностные радикалы блуждают, не будучи помещенными в силовое поле какой-то идеологии, каких-то интересов власти. Идеология (в зависимости от своего содержания) либо включает Россию в общее поле модерна, конкурентных отношений и тогда формирует соответствующие оценки населения, либо исключает Россию из этого конкурентного поля и тем самым работает на интересы самосохранения самодержавной и бесконтрольной власти, которая препятствует развитию, то есть усложнению структуры общества, дифференциации и специализации своих институтов. Собственно, это и обеспечивает более высокую продуктивность, более высокое качество действия (все равно, идет ли речь об экономике, науке, государственном управлении или об армии). Настаивая на «особости», идеологи власти стремятся не просто изолировать страну от мира успешных стран, европейских стран или стран с современной, модернизированной культурой своих институтов, а законсервировать это состояние неразвитости, обеспечивающей власти ее легитимность. За «особым путем» стоят не представления населения, а интересы определенной системы власти, консервирующей всю систему отношений, прежде всего собственные социальные позиции.

Э. Паин: Ну, не только власти. Я бы сказал, элит.

Л. Гудков: Об элите трудно говорить в России. Скорее речь может идти о некой интеллектуальной службе власти. Идея Sonderweg возникла в ситуации фиксации отсталости и слабости полуфеодальной Германии в сравнении с Францией или Англией, ее политической раздробленности (вспомним, что это было время, когда «Германия» была национальным мифом, а политическую реальность представляли 300 отдельных немецких княжеств). А у нас эта идеология появляется всякий раз, когда встает задача перехода от рывка («догоним — перегоним») к ситуации консервации положения вещей и возведения защитного барьера по отношению к Западу. В России идеология «особого пути» возникла в 30-х годах XIX века, в период николаевского застоя, обернувшегося поражением в Крымской войне, затем она опять обострилась в качестве реакции на слишком интенсивный ход модернизации в 1870–1890-е годы (леонтьевское «надо бы подморозить Россию!») и даже стала частью государственной политики консервативной и насильственной русификации (К. Победоносцев и другие), что, понятное дело, закончилось разгромом в Русско-японской войне. Потом сталинская идея построения социализма в одной отдельно взятой стране. Следующая фаза — момент краха советской идеологии и обострение «нашей самости». И сегодня — новый рецидив, опять-таки в ситуации неудачи реформы. Никакой в этой идее содержательности, «особости снизу» нет. Это продукт околотовластных кругов.

Б. Дубин: Давайте подытожим. Мне кажется важным то, что Эмиль сказал про империю. Так или иначе, за идеологией «особого пути» стоит имперский, великодержавный комплекс. Это попытка надставить недостающий рост до представлений о себе как великой державе. Особый путь — это те котурны, на которые человек нормального роста встает, чтобы быть повыше. И оказывается, что это для всех очень важно. По «происхождению» это, конечно, элитная или, лучше сказать, номенклатурная идеология (в России национализм номенклатурный и идеология «особого пути» номенклатурная). Но, видимо, со временем, и сейчас как раз такое время, какие-то остатки этой идеи становятся механизмом согласования между верхами и низами. На каком-то этапе это становится способом закрепления статус-кво, который устраивает всех — и верхи, и низы.

За всеми этими вещами прочитывается соревнование с одной конкретной державой. До поры до времени это была Германия, потом Соединенные Штаты. И в ситуации, когда оседает пыль после битвы, когда начинают разбирать то, что на поле боя, видимо, одним из инструментов согласия является вот эта самая мифологема «особого пути». В этом смысле о верности ей две трети населения говорят так же свободно, не задумываясь, как в другом отношении — желая такой же жизни, как у всех на свете (кто же откажется!) — говорят: «Да нет, мы, русские люди, такие же, как все. Мы хотели бы жить как на Западе. Мы только не хотим работать и отвечать за свои поступки».

Л. Гудков: Это и есть структура русской традиции. Я имею в виду организацию исторического, государственного сознания. Все ключевые точки такого сознания связаны с критическими моментами соприкосновения России как неоформленного, рыхлого, слабо структурированного материала для государственного владения, людского множества с каким-то универсальным целым. Если смотреть по данным наших опросов на исторические темы, то первыми точками «начала истории», то есть теми, которые выступают как моменты национальной идентификации, будут: Крещение Руси (племенное сознание входит в орбиту крупной, православной империи, византийской культуры), далее — правление Петра I, основной вектор которого — превращение Московской Руси в империю европейского типа (попытка включить Россию в Европу), и 1917 год. Это реперные точки национального сознания. Важно, что каждый раз это соприкосновение некой аморфной, не ставшей, не созревшей общности с чем-то более высоким, более сложно организованным, более универсальным воспринималось как начало принципиально новой эпохи. Уравняться с чем-то более высокоорганизованным это аморфное множество может только в форме империи, внешней и принудительной формы организации населения, не общества (которого, в строгом смысле, здесь по большей части истории нет), потому что другой тип организованности — общество, *society*, *Gesellschaft* — здесь не мыслится. Поэтому имперское сознание является здесь эквивалентом универсальности и величия. Но это ошибка: универсальность и громадность, или величие, — не одно и то же.

Э. Паин: То есть, анализируя общественное мнение, ты приходишь к выводу о том, что все признаки, символы русской идентификации строятся на противопоставлении «нас» некоему «конституирующему иному». Но ведь все общности так складывались?

Б. Дубин: В нынешние времена это, конечно, противопоставление империи и демократии. Поэтому демократия «у нас» всегда будет (если будет) «особая», потому что для нас важнее держава. Ну и потом понятно, что демократии (не тогда, когда они формировались в XIX веке, а сегодня) — это же не национальная вещь. А внутри империи еще решается вопрос о том, кто мы — русские, российские, или советские, или вообще всеобщие универсальные, мировые.

В идее того, чему противостоит российское как державное, вот еще какой важный признак скрывается: то, что «они», которым «мы» противостоим как особые, уже «готовые». Их время прошло. А мы еще в пути. У нас все впереди. У нас будущее. И Томас Манн, кстати, так и писал примерно до 1918 года: немецкий юноша, вечный студент, который скитается от страны к стране, ходит по всей Европе, — это же немцы, которые ищут себя. А они-то на Западе все уже давно сложились, они на закате. Отсюда «Закат Европы» и так далее.

Э. Паин: Это во всех случаях идеология «виноград зелен». Компенсаторная. В поисках этой компенсации ищется противовес. То есть так или иначе люди, использовавшие эту идеологию, признавали неявно превосходство некоего «конституирующего иного». Более высокий уровень организации, более высокий уровень достижений. И искали в своей личности некую компенсацию. Да, мы отстаем в оружии, проигрываем войны, проигрываем в экономике, но зато у нас есть длинная история, которая у них почему-то уже закончилась, и великая духовность в противовес их унылому прагматизму.

Л. Гудков: У Гейне уже это приобретает иронический смысл. Он издевался над этим. В поэме «Германия. Зимняя сказка» он пишет:

Французам и русским подвластна земля,
Британцам море покорно,
Но в царстве воздушно мечтательных грез
Немецкая мощь бесспорна.
Здесь в наших руках гегемония; здесь
Мы все нераздельно слились,
Не так, как другие народы, — они
На плоской земле развились.

Б. Дубин: Вот что мы еще не сказали. Вернее, сказали, но надо назвать это одним словом. Слово «особый», видимо, надо понимать в рамках данной идеологии как некую аналогию избранного народа. Особый — значит избранный. В этом смысле он лучший, неповторимый. И у него особые отношения. Вот только с чем или с кем? А дальше надо социологически прорабатывать, с чем — с историей, с другими странами, между народом и властью. Кстати, что чаще всего в «особость» закладывает российское население? На наш вопрос: «Когда вы говорите об особом пути, что вы имеете в виду?» — люди в первую очередь указывают на особые отношения между властью и народом. У власти вся власть. Зато она опекает население. Население предается власти, но зато может делать то, что хочет.

Л. Гудков: Но власть при этом не просто власть. Она с определенной миссией, санкцией как бы свыше (пусть и приписываемой самой себе). Она — миссионерская. Это власть Третьего Рима, если хотите. Или с коммунистической миссией. Поэтому это очень сильная легитимация власти.

Б. Дубин: Неслучайно, что в конечном счете все сходится на Победе во Второй мировой войне, потому что это одновременно наша Победа, как и наша война, но зато это такое участие во всемирной истории, которого больше ни у кого нет. Мы спасли всемирную историю, мы всю Европу спасли. Вот когда мы оказались выше всех и показали, кто мы на самом деле.

Л. Гудков: Так же как Европу мы спасли от татар.

Б. Дубин: Тут важно, что мы все-таки оказались хоть один раз лучшими.

Э. Паин: Ну, может, не один раз.

Б. Дубин: Ну, или поляков победили.

Э. Паин: Только ли поляков, вот еще и Наполеона.

Л. Гудков: Главное, что это кристаллизирующие моменты национальной идеологии, национальной мифологии, национального величия.

Б. Дубин: Вот недавно я участвовал вместе с молодым писателем Сергеем Шаргуновым в передаче радио «Свобода», посвященной Победе. Все нормально было, в рамках, мы как-то договаривались обо всем. И вдруг в конце он говорит: «А все-таки была такая минута, когда я чувствовал гордость за свою страну. Это август 2008 года, когда мы показали грузинам». Оказывается, что важно «показать» — полякам, прибалтам, грузинам. Это даже не борьба с США.

Э. Паин: Неправда, всякий «патриот» тебе объяснит, что победа над Грузией — это победа над Штатами.

Б. Дубин: Конечно, и наши опросы это показывают. Но важно, что это именно таким способом удостоверяется. Я бы сказал, что параллельно с той сложной линией, которую можно выстроить вокруг тех реперных точек, о которых Лев говорил, я бы взялся выстроить другие точки, где «мы их победили» и благодаря этому оказались выше всех на свете, в том числе «их», наших противников, спасли Европу, мир и т.д. И эти линии — их «преимуществ» и наших «побед» — неким сложным образом были бы соотнесены друг с другом. Это называ-

ется: «мы им показали», «мы им вставили» — и может быть и на спортивных, и на военных полях.

Э. Паин: Необходимо отметить, что это мифологическое сознание может сохраняться наряду с рациональным. Обе формы сознания живут параллельно. Скажем, в оценке власти они сосуществуют, не смешиваясь. В многочисленных социологических наблюдениях это есть. Когда вы оцениваете конкретное качество власти — в экономической, медицинской, военной и других сферах, — оценки оказываются преимущественно негативные и падающие. А когда речь идет о символическом величии — тут власти сам черт не брат.

Л. Гудков: Потому что характер недовольства нынешней властью указывает на то, что в массе есть идеальные представления о власти. Речь идет не о том, чтобы заменить эту власть неким другим устройством. Утверждается именно идеальная структура этой незыблемой власти.

Э. Паин: Вернемся к теме «культурное многообразие и особый путь». Итак, мы пришли к выводу, что «особый путь» — нечто похожее на идеологию избранного народа. Так или иначе, а в России уж точно, это еще и форма национализма, которую можно назвать цивилизационным национализмом. Но ведь многим кажется, что есть сходство между идеологией «особого пути» и вполне легитимным явлением, признаваемым всеми, кто занимается модернизацией. Явление это называется «культурное разнообразие». Недавно я был на конференции, посвященной памяти С. Хантингтона. Экономисты увлечены этим культурным разнообразием, поскольку полагают, что можно оседлать различные виды культурных особенностей и использовать их как культурный капитал.

Б. Дубин: Мы говорили об «особости» как тормозе, защите, барьере. Ты же сейчас предлагаешь рассмотреть ее как ресурс, да? Тут опять надо себя спросить: ресурс чего? Думаю, что под ресурсом в обобщенном виде имеются в виду две вещи — ресурсы активности и ресурсы сплоченности. В России, мне кажется, сегодня нет ни того, ни другого. И наши исследования это показывают. Если не говорить о группах номенклатуры, где тип сплоченности совершенно другой. Там важна принадлежность к номенклатуре, важно из нее не выпасть, и активность ограничивается правилами внутриноменклатурного поведения: ты не должен проявлять излишней активности в подъеме наверх, и тогда тебе «дадут», когда полагается. Но не это наша проблема. А применительно к состоянию социума ни особости как ресурса активизации, ни особости как ресурса сплоченности, по-моему, в сегодняшней России нет.

Э. Паин: Давайте я поиграю в адвоката дьявола и скажу, что в России может быть и то и другое. Во-первых, наше население разнородно в историко-культурном отношении. Пусть, скажем, народы Северного Кавказа не составляют большинства, но у них групповая сплоченность на высочайшем уровне. Правда, этот вид сплоченности еще в большей мере, чем общероссийская разобщенность, формирует как бы зонтик, защищающий от проникновения универсализма, скажем, для восприятия законов как универсальных норм, действующих в данном обществе и обязательных для всех без исключения.

Б. Дубин: Если ты возьмешь еще и криминальные группы или что-нибудь в этом роде, то, конечно, найдешь сплоченность.

Э. Паин: Я к тому и веду, что есть разные виды сплоченности и они, как и активность, могут стать ресурсом модернизации, только если будут сопровождаться ростом правосознания. В противном случае возникает анархическая активность и антиобщественная сплоченность. Хочу также подчеркнуть, что сплоченность и активность не являются неизменными свойствами социума — они поддаются выращиванию, культивированию в разнообразных направлениях. В этой связи еще раз напомним идею писателя С. Шаргунова, о которой Борис уже вспоминал. Ту же идею можно услышать из уст представителей русских националистических сил. Они говорят о том, что источником сплоченности и активности могут стать победы России. И если мы не можем побеждать на ниве высоких экономических достижений, то

вполне способны побеждать на поле военной битвы, пусть пока и небольшие страны, такие как Грузия.

Б. Дубин: В самом деле, различные группы, включая СМИ, сегодня пытаются использовать именно такой ресурс повышения сплоченности. Но это поднимает чрезвычайно серьезные и очень любопытный вопрос, он нас сильно уведет и сторону, по два слова о нем. Все победы, которые СССР, а потом Россия (и даже вероятно досоветская Россия, но не буду сейчас в это углубляться) одерживали, начиная с военных и кончая спортивными, не имели продолжения в жизни нашего общества — с победы оно ничего не получало. Возьмем ли мы победу над Наполеоном или победу 1945 года — всякий раз для социума ситуация «после» в целом оказывается хуже, чем было «до».

Это, с одной стороны, отчасти подтверждает нашу общую идею насчет установки на понижение и использование властью этого механизма, а с другой — бросает новый свет на «пейзаж после битвы». Народ, одержавший победу, не получает новых степеней свободы, активности, новых форм солидарности, а получает, наоборот, новые формы порабощения, новые формы ограничений и т.д.

Л. Гудков: Что мы имеем в виду, когда говорим о сплоченности? Сплоченность может быть разная, в том числе и выступать как ресурс для коллективной или индивидуальной активности, достижения. Допустим, немец, гонконгский или тайваньский китаец, японец, еврей, швейцарец и любой другой из сыновей тех народов, которые можно причислить к модернизированным нациям, скажет: «Я уважаю себя». Но он уважает себя не просто как человека, добившегося успеха, статуса, обеспеченности, признания и т.п., а как человека, в своей жизни воплотившего особенности национального характера — прилежности, трудолюбия, упорства, методического самоконтроля и внутренней дисциплины, ответственности за свою работу. В нашем же случае речь идет о блокировании активности, превращении принудительности работы, навыков халтуры, лени и пассивного смиренного терпения в позитивные качества национальной породы (нам материальные блага не важны, мы духовные, мы больше чем-то высоким заняты). В этом плане «особый путь» — это ресурс консервации власти, функция которой — контроль над действиями, над ресурсами населения. Удержать собственную власть можно, только лишь сохраняя примитивность общественного устройства.

Б. Дубин: Я бы сказал, что и снизу действует такой механизм контроля и ограничения.

Л. Гудков: Понижение сложности, блокирование возможностей развития. Весь фокус заключается в том, что «особость» работает на сохранение власти, она предполагает и сохранение империи как более простого устройства по сравнению с более сложной политической системой, требующей увеличения ресурсов активности и ответственности граждан. Иначе говоря, модернизация нуждается в более сложном устройстве общества, а *Sonderweg* — это предпосылка удержания примитивного общественного состояния, примитивного устройства.

Б. Дубин: Как ни парадоксально, основные формы социальности, которые есть в России, — это формы, которые ограничивают активность, а не поощряют ее.

Л. Гудков: Само устройство власти принципиально архаично и потому консервативно. В этом смысле идея переключения «особого пути» из ресурса консервации в ресурс усиления конкуренции продуктивна только при условии устранения данной системы власти.

Э. Паин: К этому я и хотел подойти. Есть, тем не менее, возможность использования идеи «особого пути» и некоторых мифологических ее элементов, например мифологемы «великая страна», в качестве фактора активизации общества. В конечном счете, ни одна политическая партия в сегодняшней России, включая и любую либеральную, не откажется от признания того, что мы великая страна. Именно это величие и является стимулом к конкуренции, модернизации. Вот Григорий Явлинский не раз повторял, что, если Россия не хочет оставаться периферийной страной, второстепенной экономикой, она должна включаться в модернизацию. Признаюсь, и я не вижу никакого другого побудительного мотива к модернизации у

элиты и вовлечения в модернизацию масс, кроме использования этой самой мифологемы: «Быть достойным, быть великим, конкурировать на мировом уровне».

Б. Дубин: Такая мотивация может быть реализована только в системе новых институтов.

Э. Паин: Да, реализующаяся в системе новых институтов и наполненная новым содержанием. Тогда окажется, что в России нужно не армию развивать, а высокие технологии. А для высоких технологий необходимы и индивидуальная активность, и новые формы образования, и вся цепь следствий, которая с этим связана.

Б. Дубин: Реформы немецкого университета следовали за поражениями сначала Пруссии, а потом Германии в великих войнах — в наполеоновских войнах и Второй мировой войне. Не армию стали наращивать, а начали реформировать систему образования. Если через становление современных институтов, начиная от образовательных и кончая политическими, то да, идея определенного преимущества, будущего превосходства, которое невозможно без активизации, с одной стороны, и нового сплочения — с другой, то, конечно, бога ради, только где взять именно такую идею величия, а главное — соответствующий институциональный контекст?

Л. Гудков: Я скептически отношусь к этому. Думаю, что в наших условиях попытка эксплуатировать идею величия иллюзорна.

Э. Паин: Даже если будут другие институты?

Л. Гудков: Это очень сильное допущение, потому что посылка «величия» ставит телегу впереди лошади. Сначала какие-то институты, а потом телега — великая и богатая, славная держава. У нас же все наоборот — непременно реализуется лозунг «великая держава», а новые институты станут еще хуже. Поэтому я не думаю, что с этим можно играть. Население, конечно, готово декларировать и манифестировать, ходить с флажками и символами великой державы, но умирать за это не будет без большой палки и заградотрядов. Изменения (реальные, институциональные) возможны только при подключении политики к повседневным, текущим интересам населения. То, чего население хочет сегодня, и хочет по-настоящему, и за что оно голосует, поддерживая Путина, и будет голосовать за любого другого, — это «дайте денег», «сделайте нам хорошо».

Э. Паин: То есть в нынешних условиях кто бы ни говорил об идее великого пути, даже наполняя его новым содержанием, скорее всего, проиграет, потому что слово возьмут, а социально-экономическое содержание оставят.

В окончании беседы давайте подытожим наши претензии к идее «особый путь России» и попробуем сформулировать, почему эта идея не может стать ресурсом модернизации. Я так ставлю вопрос, поскольку мы сообщая пришли к выводу, что, как ни крути, приспособить ее для общественного блага нельзя.

Л. Гудков: Несколько ее антимодернизационных особенностей сейчас уже вполне можно сформулировать. Прежде всего, это ее консерватизм, а интересы консервации направлены именно на сохранение нынешнего общественного устройства, то есть положения бесконтрольной власти, которая берет на себя задачи воплощения национального величия, требующего жертв от населения, а также власти, которая берет на себя в этих обстоятельствах заботу о населении (в том числе и заботу о модернизации) и прочее. Она может выставить любые флажки: построение «нового общества», «нового человека», «достижение всеобщего счастья», «равенства и братства» или создание великой державы — все что хочешь. Но важно, что введение модельного оператора «особый путь» блокирует возможности трансформации самой системы власти. Ее разделения, ее контроля обществом, установления рамок ее ответственности.

Б. Дубин: Я бы добавил, что сама эта идея типологически устаревшая. Она не может работать в нынешних условиях, с одной стороны, глубочайшей социокультурной дифференцированности обществ, а с другой — глобальных процессов, которые, хочешь или не хочешь,

заставляют всех действовать в общем поле. От холодильника до политического строя — все включено в общий рынок, в общие политические сообщества. И тут на механизмах фундаменталистского, неоконсервативного, неотрадиционалистского типа мало чего сделаешь, разве что в рамках избирательной кампании, и то только на время. Как политический механизм, а тем более как культурный механизм эта штука не будет работать.

Л. Гудков: Мне кажется, что это фазовое социально-историческое явление, возникающее в условиях запаздывающей модернизации, когда периферийная страна пытается преодолеть свою периферийность. И это способ моральной самозащиты для периферийной страны. В ситуации, когда стране не надо ставить задачи догоняющего развития, идея «особого пути» отпадает как таковая. Тогда принимаются другие модели устройства и сопоставление стран (в глазах их граждан) идет по отдельным и конкретным параметрам — экономики, гражданских прав, политических свобод и др.

Б. Дубин: Это как раз те оценки, по которым нынешнее российское население, судя по опросам общественного мнения, проявляет полное недоверие к власти и дает ей чрезвычайно низкую оценку. Как только мы берем дифференцированные, конкретные характеристики, власть не получает ни одобрения, ни поддержки, ни доверия. А как только речь идет о верховных символах — это пожалуйста. Но идея *Sonderweg* увековечивает, консервирует этот разрыв — разрыв между большим символом «мы» и нашей повседневной деятельностью, между властью и населением, между Россией и Западом, — в этом смысле она не может быть механизмом динамики. А ведь идея модернизации именно в том и состоит, чтобы (а) найти новые механизмы динамики, (б) научиться работать в условиях конкуренции, (в) породить новые формы сплоченности. Это связанные между собой вещи. Процесс модернизации, по крайней мере в удавшихся образцах, создал некое ноу-хау на соединении этих разных типов ориентации и мотивации. В России пока ничего такого не получается.

Л. Гудков: И еще можно сказать, что многовариантность идеи «особого пути», в позитивном смысле, возникает именно тогда, когда особый путь перестает быть защитно-компенсаторным. Именно тогда, когда мы помещаем страну в поле выбора возможностей и сравнения с другими странами, начинают работать собственно «национальные особенности» как ресурсы действия, потенциал достижения.

Э. Паин: В развитие того, что вы говорили, и я хотел бы дать свою обобщенную оценку идеологии «особого пути», а заодно наконец ответить на свой же вопрос о том, что общего между этой идеологией и вполне уважаемой идеей культурного разнообразия, одобренной, например, Советом Европы и кодифицированной в «Белой книге» по межкультурному диалогу (Страсбург, 2008). Сходство между этими идеями кажущееся. При более или менее детальном сравнении сразу же бросаются в глаза их принципиальные различия. Идея культурного плюрализма исходит из принципа свободного выбора пути развития, а доктрина «особого пути» настаивает на его предопределенности: «мы иначе не можем». Эта идеология во всех своих разновидностях может быть представлена образом того самого советского паровоза, бегущего по строго определенному пути. В советское время конечная станция на этом пути называлась коммунизмом, сейчас ее переименовали в «достижение величия державы». Для большей же части наших сограждан этот путь хоть и предопределенный, но совершенно непонятный, поскольку о нем известно лишь, что он «особый» и точно не западный. В действительности же это вовсе не путь, а запрет на движение в сторону предоставления людям самой возможности выбора модели политического устройства.

Вы оба правы: только у общества, освободившегося от необходимости идти по строго предписанному властями пути, возникает возможность реального проявления культурных и социальных особенностей. И опыт целого ряда эффективных модернизаций показывает, что в этих условиях проявляется или конструируется своеобразие как раз для облегчения процесса внедрения инноваций. В книге под редакцией Э. Хобсбаума «Изобретенные традиции» хорошо показано, что многие явления, которые ныне считаются тысячелетней английской тради-

цией, на самом деле были изобретены в эпоху королевы Виктории и им специально приданы черты национальной традиции. В Японии после экономического кризиса 1930-х годов и особенно после Второй мировой войны многие корпорации представляли свои организационные технологии, новые, изобретенные известными (во всех смыслах этого слова) менеджерами, как возрождение традиций.

Б. Дубин: «Изобретение традиций» как один из элементов модернизации, конечно.

Э. Паин: Но ни в Англии, ни в Японии не провозглашалась идея «особого пути», обе страны развивали универсальные модернизационные процессы, используя в качестве их инструмента свои культурные символы, иногда даже имитируя специфичность и традиционность преобразований для придания им большей легитимности в глазах общества и обеспечения лучшего общественного усвоения инноваций. Другие же страны, выдвигавшие лозунги возрождения самобытности или усиления специфичности в качестве своей политической цели, терпели провал. Один из свежих примеров такой стратегии представляет Судан — единственная страна мира, не только выдвинувшая идею создания особой «исламской экономики», но и пытающаяся на систематической основе ее реализовать. Результат — обвальное падение не только уровня экономического развития (страна занимает 187-е место в мире по уровню ВВП) и уровня жизни, но и рост смертности, голод, усиление авторитарных тенденций в политике и острейшие межрасовые столкновения.

Итак, во всех известных случаях выдвижение идеи «особого пути» в качестве стратегической цели страны выступало как предпосылка ее демодернизации. Напротив, когда сама модернизация становится целью (не временным лозунгом элитарных групп, а действительно национальной идее, результатом осознанных интересов и свободного выбора всего общества), то естественно, без дополнительных деклараций возникает необходимость использования специфических социальных и культурных средств ее достижения.

Мы с вами высказались по поводу возможности использования идеологии «особого пути» в качестве инструмента модернизации, затронув лишь узкий круг тем, связанных с этим вопросом. У читателей есть возможность дополнить, согласиться или опровергнуть наши рассуждения. Разумеется, если они их заинтересуют.